

ГОРНЫЙ АЛТАЙ: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова

Реализация проекта строительства Катунской ГЭС вызовет негативные последствия, если будет сопряжена с притоком рабочей силы из-за пределов Горного Алтая. Она может повлечь за собой как резкое обострение социальной ситуации (конфликт между коренным алтайским и русским населением края и пришлыми строителями), так и возрастание этнической конфронтации "алтайцы — русские". Каковы же перспективы развития событий? На этот вопрос стремятся ответить авторы предлагаемой статьи.

Предлагая вниманию читателей заметки по поводу межэтнических отношений в регионе, который не является сегодня особенно неблагоприятным, мы убеждены в правомерности и своевременности обращения к этой проблеме. Вспышки национальной вражды в разных пределах нашего Отечества стали уже привычными, и сообщения о все новых "очагах напряженности" давно не вызывают в обществе удивления. Застигнутыми врасплох оказываются обычно лишь власти предрержащие. Между тем не вызывает сомнения, что конфликты — в том числе и национальные — возникают не вдруг, а вызревают, как правило, постепенно, и следовательно, опасные тенденции можно уловить задолго до того, как накапливающееся раздражение примет форму открытого противостояния.

На наш взгляд, современное состояние межнациональных отношений в Горном Алтае таково, что требует к себе пристального внимания. Попытаемся обосновать эту точку зрения.

Этноконтактная ситуация в Горном Алтае стала предметом нашего внимания в связи с дискуссией по поводу реализации проекта сооружения Катунской ГЭС. Чаще всего дебаты возникают вокруг возможных неблагоприятных экологических последствий такого строительства. Не будучи специалистами в области экологии, мы не станем сколько-нибудь подробно останавливаться на этом аспекте проблемы, а отошлем читателя к суждениям профессионалов (1). Заметим только, что экологические аргументы, как правило, высказываются "в пакете" с экономическими, политическими, конфликтологическими и иными соображениями; в частности, угроза обострения отношений между русскими, алтайцами и представителями других национальных общин, проживающими в регионе, является весьма убедительным доводом противников строительства Катунского каскада.

Для объективной оценки масштабов этой угрозы по инициативе Гидропроекта СССР сотрудниками кафедры этнографии и этносоциологической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова была проведена независимая научная экспертиза. Сбор эмпирического матери-

ала в августе 1990 г. под руководством авторов настоящей статьи осуществила Алтайская этносоциологическая экспедиция.

Объектом исследования явилось население Шебалинского и Усть-Коксинского районов, расположенных в зоне непосредственного влияния строительства. Выборка массового статистико-этнографического исследования была организована так, чтобы обеспечить представительство всех типов населенных пунктов, характерных для региона.

При организации выборки были сохранены пропорции между представителями основных контактирующих этносов в рамках избранных для обследования населенных пунктов, что позволило объединять подвыборки по всем поселениям в единый массив данных.

Отбор конкретных лиц, подлежащих опросу, осуществлялся механически по хозяйственным книгам через равный интервал. Такая методика обеспечивает пропорциональное представительство респондентов в выборке по полу, возрасту, образовательному и профессиональному уровню, национальности и другим существенным социально-демографическим характеристикам. В выборке обследования русские составляют более 60%, алтайцы — 36%, остальные — казахи, украинцы и представители других этнических групп, что в целом соответствует этнической структуре населения обследованного региона.

64

В ходе обследования наряду с массовым опросом был применен метод экспертных оценок (2). Данная методика нацелена на получение сведений от лиц, обладающих большим, в сравнении с рядовым обывателем, объемом информации по интересующим исследователя вопросам. В качестве экспертов выступали работники управленческого и партийного аппарата, представители местной научной и творческой интеллигенции, сотрудники правоохранительных органов областного и районного масштабов.

Экспертный опрос проводился в областном центре — Горно-Алтайске, а также районных центрах Шебалино и Усть-Кокса. Всего опрошено 65 экспертов (из них 43 человека — русские и 22 — алтайцы, что примерно соответствует численному соотношению этих групп в населении области).

В процессе содержательного анализа полученной информации мы дифференцировали ответы опрошенных экспертов в зависимости от таких факторов, как их национальная принадлежность, место жительства (город или село), а также род занятий. Поэтому статистическая обработка материала проводилась как в целом по всем опрошенным, так и после предварительной разбивки на подмассивы (русские — алтайцы, город — село, управленцы — интеллигенция). Такой подход позволил не только выявить различия в позициях выделенных групп экспертов, но и получить дополнительную информацию о причинах формирования этих позиций.

* * *

Оценка межнациональных отношений в интересующем нас регионе базируется на методолого-теоретических принципах изучения причин возникновения этноконфликтных ситуаций, разработанных в отечественной этнологии. Уже на материалах этносоциологических исследований

60-х годов был сделан вывод о том, что в основе недружелюбных этноконтактных установок лежат, во-первых, культурная ограниченность, во-вторых, социально-конкурсная ситуация, возникающая вследствие дефицита тех или иных жизненных благ (3). Несколько позже было выяснено, что этнокультурная замкнутость наиболее интенсивно влияет на отношение к межэтническим контактам в сфере семейно-брачных отношений, а социальная конкуренция прежде всего сказывается на установках по поводу совместной работы с представителями другой национальности (4). Вместе с тем, как показали дальнейшие исследования, этнические установки представляют собой систему тесно взаимосвязанных элементов, а потому в случае обострения социально-конкурсной ситуации негативные процессы могут обостряться во всех сферах межнационального взаимодействия (5).

Выяснение причин формирования отрицательных этноконтактных установок позволило определить основные социальные ситуации, порождающие деструктивные тенденции в развитии межнациональных отношений: это, во-первых, контакты этнических общностей, поставленных в конкурсные отношения; во-вторых, быстрый рост социальных потребностей при стабильности или сокращении базы их удовлетворения; в-третьих, интенсивное изменение статусных характеристик представителей контактирующих этнических общностей (6).

Рассматривая перспективу взаимодействия основных этнических контрагентов в Горном Алтае и, в частности, возможные последствия реализации проекта строительства Катунской ГЭС для развития межнациональных отношений в регионе, мы имели в виду, что фактически вся сравнительно малочисленная группа алтайцев (по данным областного управления статистики 59130 чел. в 1989 г.) расселена дисперсно среди численно преобладающего (115188 чел. в 1989 г.) русского населения в пределах Горно-Алтайской АО.

Важно также, что алтайский этнос неоднороден по своей структуре; в литературе высказывалось мнение, что фактически он является объединением в результате территориально-административных преобразований разнородных в этническом отношении элементов (7). В районе обследования преобладают южные алтайцы, в частности две относительно крупные этнографические группы — алтай-кижи и маймалары.

В настоящее время межнациональные отношения в регионе можно считать сравнительно удовлетворительными. По данным массового статистико-этнографического обследования 82,7% алтайцев и 77,7% русских оценивают взаимоотношения этих народов как хорошие.

С другой стороны, настораживает тот факт, что при ответе на вопрос о характере межэтнических отношений респонденты часто отвечали "пока хорошие (сносные)". Наметившаяся тенденция этнической конфронтации, обусловленная как кризисной социальной ситуацией в стране, так и обострением национальных противоречий в сопредельных регионах, как правило, осознается нашими информаторами. Указанная тенденция проявилась, в частности, и в том, что хотя отношения основных этнических контрагентов в регионе оцениваются как плохие весьма незначительной частью наших респондентов, в то же время 13,6% алтайцев и 16,3% русских отметили,

что отношения эти складываются “когда как”. Бросается в глаза и то обстоятельство, что русские несколько чаще высказывают негативную оценку межнациональных отношений, нежели алтайцы.

Показательны возрастные различия в оценке взаимодействия между представителями двух этносов. В частности, молодежь русской национальности значительно реже оценивает его как “хорошее”, нежели русские среднего возраста. Негативную оценку русско-алтайских отношений дали 14,3% молодых респондентов русской национальности и 4,8% русских респондентов среднего возраста. Оценки информаторов-алтайцев среднего возраста почти совпадают с оценками русских той же возрастной группы; что касается молодых алтайцев, то их суждения по интересующему нас вопросу не могут быть учтены вследствие случайного перекоса выборочной совокупности. Тем не менее, возрастная динамика в оценке характера межэтнических контактов в регионе в целом свидетельствует о явной тенденции к усилению конфронтации между представителями двух народов, составляющих подавляющее большинство населения региона.

66

В контексте нашей исследовательской задачи особый интерес представляет распределение данного признака (оценка межнациональных отношений в регионе) в зависимости от миграционных характеристик наших респондентов. Сразу отметим, что данные массового обследования свидетельствуют о крайне низкой миграционной подвижности коренного алтайского населения (из 111 респондентов алтайской национальности, вошедших в выборочную совокупность, лишь 1 изменил свое место жительства). Естественно, в этом случае говорить о влиянии миграционных характеристик на оценку межнациональных отношений не имеет смысла. Что же касается русского населения региона, то доля лиц, назвавших их “хорошими”, наиболее значительна среди тех, кто менял свое место жительства только в пределах области, а также среди проживших всю свою жизнь в одном селе. Среди мигрантов, прибывших на Алтай из других регионов страны, оценка “хорошо” встречается реже.

Очевидно, что оценка русско-алтайских отношений во многом зависит от личного опыта межэтнического взаимодействия наших респондентов. В этом смысле примечательно, что 100% опрошенных алтайцев, живущих в преобладающем русском окружении (пос. Усть-Сема) оценили свой опыт общения с русскими положительно; напротив, те несколько русских респондентов, которых удалось опросить в высокогорном алтайском селе Каспа, оценили отношения либо как “плохие” (50%), либо ответили уклончиво “когда как” — 50%. Очевидно, алтайцы чувствуют себя в русском окружении вполне комфортно, чего нельзя сказать о русских, дисперсно проживающих среди алтайцев.

Подобное положение вещей не следует объяснять, разумеется, какими-нибудь характерологическими особенностями русских или алтайцев, утверждая, что русские относятся к алтайцам лучше, чем алтайцы к русским. Дело в том, что алтайцы, живущие бок о бок с русскими, легко перенимают соответствующие нормы поведения и благодаря этому легко адаптируются к условиям инонационального окружения. Русские же, как правило, сохра-

няют свои культурно-бытовые особенности и поведенческие стереотипы, что осложняет процесс адаптации.

Опыт межэтнического общения у русских респондентов чаще, чем у алтайцев, имеет негативную окраску: в Мульте (поселок представляет собой частично деформированную, но еще достаточно устойчивую субкультуру), где контакты русских с алтайцами носят эпизодический характер, 87% опрошенных продемонстрировали положительную оценку межэтнического взаимодействия; в национально-смешанном урбанизированном поселке Шебалино положительных оценок почти на 20% меньше. В то же время 85,3% алтайцев в Шебалино довольны взаимоотношениями с русскими; напротив, в практически мононациональной алтайской Каспе доля алтайских респондентов, давших положительные оценки, значительно ниже — 73,9%. Таким образом, материалы нашего обследования выявили определенную тенденцию: опыт межэтнического общения с алтайцами у русских респондентов носит негативный характер и влечет за собой увеличение доли лиц, отрицательно оценивающих контакты с основными этническими партнерами в интересующем нас регионе; напротив, контакты алтайцев с русскими увеличивают долю лиц, удовлетворенных характером взаимоотношений. В контексте наших исследовательских задач можно заключить, что массовый приток мигрантов в район предполагаемого строительства Катунской ГЭС, с одной стороны, может увеличить число русскоязычных жителей с определенными этническими предубеждениями, с другой стороны — будет способствовать изживанию таких предубеждений у некоторой части жителей алтайских деревень. Проявление этих противоречивых тенденций будет зависеть от масштабов вовлечения коренного алтайского населения в строительство гидростанции и связанных с ней объектов инфраструктуры, от социально-профессионального состава приезжающих гидростроителей, от соотношения представителей двух народов среди руководителей стройки и многих других факторов.

Дифференциация ответов на вопрос о характере отношений между русскими и алтайцами в зависимости от социально-статусной принадлежности респондентов показала, что среди русских жителей региона наименьшее число положительных ответов дали неработающие и учащаяся молодежь. Негативную оценку русско-алтайских отношений чаще других давали специалисты (10% опрошенных), руководители русской национальности чаще отвечали уклончиво (20% опрошенных данной группы). Рабочие реже, чем специалисты, отвечали на интересующий нас вопрос “хорошо” (74,6%), но значительно чаще давали ответ “когда как” (16,9%).

Социально-профессиональный статус алтайских респондентов сказался на их оценке отношений основных этнических контрагентов значительно менее ощутимо. Доли рабочих, специалистов, пенсионеров, оценивших их как хорошие, соответственно равны 82,9%; 82,1%; 84,2% опрошенных этих категорий. Ответ “когда как” дали 12,8–15,8% респондентов перечисленных социальных групп, доля тех, кто негативно оценивает взаимоотношения русских и алтайцев, не превышает 2,6%. Исключение составляет учащаяся молодежь алтайской национальности, 100% которой оценили свои отношения с русскими как “плохие”. Указанные статистические факты убеждают

нас в том, что наименее удовлетворены межнациональными отношениями те социальные слои, которые в большей степени вовлечены в социально-конкурентную ситуацию: руководители, специалисты и учащиеся. В этом смысле строительство Катунской ГЭС могло бы оптимизировать межнациональные отношения в регионе (в случае, если реализация проекта смягчит социальную конкуренцию, что маловероятно), либо, наоборот, обострить их (в случае, если кадровая политика будет иметь "перекос" в пользу той или иной национальности). Вместе с тем очевидно, что пропорциональное представительство алтайцев в руководстве строительства ГЭС и всех сопряженных с ней объектов промышленной или социальной инфраструктуры обеспечить будет невозможно ввиду недостатка среди них специалистов высокой квалификации. Вероятно, реализация проекта строительства ГЭС в той или иной степени будет сопряжена с обострением социально-конкурентной ситуации и возникновением на этой почве этнических конфликтов.

68 Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что, мотивируя свою негативную оценку межнациональных отношений в регионе, значительная часть наших русских респондентов жаловалась на некомпетентность ряда руководителей-алтайцев, на родственный и этнический протекционизм, присутствующий, по их мнению, представителям коренной национальности. В свою очередь алтайские респонденты выражали неудовольствие по поводу пренебрежительного отношения к ним русских; весьма распространено отношение к русскоязычному населению региона как к "оккупантам". В беседах с руководителями и специалистами алтайской национальности часто высказывалась точка зрения, что Россия безжалостно эксплуатирует природные богатства Горного Алтая, ничего не давая взамен. На этой почве у известной части творческой интеллигенции и хозяйственных руководителей весьма быстро распространяются сепаратистские и прояпонские настроения (следствие столь привлекательной для местного населения бартерной торговли: сырье в Японию, автомобили, телевизоры и т.д. — на Алтай).

Экспертный опрос ряда специалистов из Комитета государственной безопасности и Управления внутренних дел показал, что описанные выше настроения в условиях социальной нестабильности и политического кризиса все чаще становятся причиной острых и весьма массовых этноконфликтных ситуаций (например, драки на призывных пунктах СА и в учебных заведениях Горно-Алтайска).

Реализация проекта строительства Катунской ГЭС вызовет негативные последствия для межнациональных отношений, если будет сопряжена с притоком рабочей силы из-за пределов региона. Вне зависимости от национальной принадлежности респондентов около половины всех опрошенных высказались против массового притока мигрантов. Статистические распределения ответов на вопрос об отношении к прибытию пришлого населения в Горно-Алтайскую АО показали, что алтайцы в 2 раза чаще, чем русские, высказывают отрицательное отношение к прибытию русскоязычного населения в область; зато среди тех, кто не возражает против притока рабочей силы в регион, русских более чем в 2 раза больше, нежели алтайцев.

Вместе с тем, реакция на возможное прибытие мигрантов весьма различна в обследованных (типологически характерных) населенных пун-

ктах. В полуразрушенной, ветхой Еланде, жители которой связывают со строительством ГЭС надежду на переселение в новый поселок, построенный гидростроителями, большинство как алтайцев, так и русских приветствуют идею привлечения трудовых ресурсов из-за пределов региона. Те 30% респондентов, опрошенных в Еланде, которые относятся к этой перспективе либо отрицательно (в основном алтайцы), либо безразлично (в основном русские) — это, как правило, старики, желающие умереть там, где живут. Совершенно иначе настроены жители мононациональной алтайской Каспы — высокогорного, “крепкого”, активно строящегося поселка. Каспа не попадает в зону затопления, и поэтому каспинцы не ожидают от строительства ГЭС никаких благ лично для себя; более того, с прибытием русскоязычных строителей они связывают ущемление своих национальных интересов. Именно поэтому 64% жителей этого поселка активно протестуют против реализации проекта.

В свою очередь, жители аналогичного по многим характеристикам, но русского поселка Мульты также в большинстве относятся к потенциальным мигрантам либо отрицательно, либо безразлично. Члены этой устойчивой локальной субкультуры, сплоченной по конфессиональному принципу (старообрядчество), видят в наплыве пришельцев угрозу устоявшемуся образу жизни. Практически все опрошенные уверены, что в случае начала строительства на Алтай хлынут “бичи”, “химики”, освобожденные из мест лишения свободы, и прочие асоциальные элементы. К сожалению, опыт всех наших “великих строек” дает основания думать, что опасения эти небеспочвенны.

Русские жители долинных, крупных, в значительной степени урбанизированных, расположенных на Чуйском тракте сел Усть-Сема (в основном русскоязычные мигранты последних десятилетий) и Шебалино (смешанное алтайско-русское население) чаще всего относятся к перспективе массовой миграции положительно (соответственно 59,2% и 62,7%). Вместе с тем, если против идеи привлечения трудовых ресурсов из-за пределов Алтая высказались 18% русских жителей этих поселков, то доля алтайцев с негативной реакцией значительно выше — 31,3%.

Подобная разница во мнениях скорее всего объясняется тем, что значительная часть алтайцев в указанных поселках (в особенности в районном центре Шебалино) опасается увеличения доли русского населения из соображений этнического или родственного протекционизма.

Сложившейся в регионе социально-этнической конкурентной ситуацией объясняется и возрастная динамика ответов на данный вопрос. Пожилые алтайцы, исключенные из социально-конкурентных отношений, почти в два раза реже высказывали негативное отношение к русскоязычным мигрантам, нежели алтайцы средних лет (соответственно 25,0% и 42,9%). К сожалению, перекося в выборке не дает возможности судить о мнении молодых алтайцев, но есть основания думать, что оно, как правило, будет негативным.

Напротив, 71% русских молодых жителей региона приветствует идею привлечения трудовых ресурсов со стороны, во-первых, из соображений “пополнения своих рядов” в наметившемся (особенно среди молодежи)

этническом противостоянии, во-вторых, связывая со строительством ГЭС популярную среди этой возрастной группы идею индустриализации региона и возможность удачно устроиться на работу: “места всем хватит”. Русские респонденты средних лет относятся к перспективе “импорта” рабочей силы куда более сдержанно — одобряют ее лишь 52% опрошенных. Здесь наблюдается действие противоречивых тенденций — с одной стороны, опасение социальной конкуренции, с другой — желание увеличения доли “своих” (т.е. русских) и надежды на решение социальных вопросов в случае положительного решения вопроса о строительстве ГЭС.

Очевидная зависимость ответов на интересующий нас в данном случае вопрос от социально-профессиональной принадлежности респондентов еще раз подтверждает вывод о том, что именно социальная конкуренция в значительной степени определяет отношение жителей региона как к возможному миграционному потоку, так и к перспективе строительства Катунской ГЭС в целом. Однако сводить все к действию только этого фактора было бы серьезной ошибкой; очевидно, процесс формирования общественного мнения вокруг проекта строительства Катунской ГЭС весьма сложен и имеет множественную детерминацию.

70 Люди, не включенные в социальную конкуренцию, относятся к приезду гидростроителей либо положительно (56% пенсионеров русской национальности и 55,6% алтайской, а также 75% неработающих алтайцев), либо безразлично (100% русских неработающих респондентов). Что же касается учащейся молодежи (школьники, в основном), то этноконфликтная подоплека их отношения к прибытию русскоязычных строителей очевидна: 75% русских молодых людей приветствует их приезд, в то время как 100% их алтайских сверстников относятся к нему отрицательно.

Видимо, по той же причине алтайские рабочие чаще демонстрировали негативную реакцию на этот вопрос (44,7%), чем русские (33,9%). Вместе с тем, как алтайские, так и русские рабочие весьма сдержанно относятся к прибытию гидростроителей, очевидно, полагая, что среди прибывших будут преобладать всякого рода “перекати-поле”, что, согласно широко распространенному мнению, не будет способствовать социальной стабильности в регионе.

Зато почти 50% алтайских и 68,8% русских специалистов приветствуют плановую миграцию строителей, поскольку связывают со строительством ГЭС перспективу продвижения по службе, расширение возможностей повышения профессионального, квалификационного и прочих уровней.

Руководители районного звена (в выборочную совокупность попали только русские респонденты этой категории) в большинстве своем относятся к росту численности населения региона либо отрицательно (25%), либо безразлично — 50%. Вероятно, чиновники, занимающие ответственные должности, не стремятся к увеличению объема работы и усложнению ситуации в подведомственном им районе. Впрочем, не исключено, что принципиальное значение в формировании их отношения к обсуждаемой проблеме имели экологические соображения, опасения осложнения криминальной ситуации и др. факторы. Положительно высказывались только 25% опрошенных руководителей; как правило, это те, кто рассчитывает улуч-

шить ситуацию в подведомственной сфере за счет крупных субсидий из центра.

Анализ этноконтактных установок респондентов алтайской и русской национальностей убеждает нас в том, что большинство потенциальных строителей Катунской ГЭС считает, что национальность работающих не оказывает существенного влияния на отношения в коллективе (соответственно 68,8% и 78,9%). Вместе с тем, предпочли бы работать в национально-смешанном коллективе 17,2% алтайцев и только 5,0% русских (отмеченная разница отражает известное несоответствие во взаимной оценке деловых качеств этнических контрагентов). Нежелание работать в национально-смешанном коллективе высказали практически равные доли алтайских и русских информаторов. Поскольку коренное алтайское население, как правило, не выражало желания принять участие в строительстве ГЭС, постольку зафиксированные этноконтактные установки могут расцениваться как вполне удовлетворительные.

Кроме того, можно предположить, что наличие в регионе такого крупного индустриального объекта, как Катунский каскад, рано или поздно вызовет приток алтайского сельского населения из высокогорных деревень. Низкий образовательный уровень и отсутствие профессиональной подготовки этой категории строителей создадут трудности с их трудоустройством, так что необходимы специальные меры для первичной социальной и профессиональной адаптации алтайцев к новым условиям.

Таким образом, по всей вероятности, начало строительства ГЭС будет сопряжено как с резким обострением социальной ситуации в регионе (конфликт между коренным алтайским и русским населением края и пришлыми строителями), так и с возрастанием этнической конфронтации (конфликт между алтайским населением, с одной стороны, и частью русского населения области и новыми мигрантами — с другой).

Существенным моментом, влияющим на нынешнюю этническую ситуацию в регионе, является постоянно усиливающийся приток мигрантов из трудоизбыточных регионов — Средней Азии и Кавказа. Теперь состояние межэтнических отношений в области зависит не только от взаимоотношений русских и алтайцев, но и от контактов и тех, и других с пришлым населением. Между тем опыт этих контактов уже негативен, имели место стычки местных жителей (как алтайцев, так и русских) с приезжими. Изучение этнических антипатий жителей Горного Алтая показало, что приблизительно каждый десятый респондент уже сейчас озабочен сложившейся ситуацией. Дело усугубляется тем, что пришельцы, как правило, стремятся занять рабочие места в сфере обслуживания и торговли, вытесняя оттуда местных жителей и вызывая тем самым их недовольство. Таким образом, указанный фактор может стать и уже становится дополнительным источником социальной и национальной напряженности.

Еще более негативная оценка характера и тенденций развития межнациональных отношений была получена в результате экспертного опроса. Для изучения этой проблемы экспертам были заданы три вопроса: "Оцените современное состояние межнациональных отношений в области", "Как изменились эти отношения за последние годы" и "С чем связано изменение межнациональных отношений".

Первый из этой группы вопросов предусматривал следующие варианты ответа: “отношения плохие”, “отношения скорее плохие, чем хорошие”, “отношения нейтральные”, “отношения скорее хорошие, чем плохие” и “отношения хорошие”. Распределение ответов на этот вопрос свидетельствует о том, что наименее значительна разница в суждениях, обусловленная местом жительства экспертов: оценка межнациональных отношений горожанами и сельчанами практически тождественна. Влияние национальной принадлежности опрошенных более существенно: русские высказываются позитивнее, чем алтайцы. Это вызвано, на наш взгляд, рядом факторов. Во-первых, происходящий рост национального самосознания алтайцев сопровождается возникновением у них неудовлетворенности своим социально-культурным статусом, проявляющейся в стремлении к занятию ключевых постов в управлении и “устранению с пути” русскоязычных специалистов и руководителей. Отсюда более низкая удовлетворенность алтайцев состоянием межэтнических отношений. Однако время массовых и организованных “антирусских” выступлений пока не пришло, поэтому русское население еще не ощутило нарастания межнациональной напряженности. Во-вторых, численное преобладание русских в населении области способствует сохранению у них уверенности в стабильности положения и отсутствии серьезной опасности возникновения неприятностей на национальной почве. Наконец, русским, в отличие от алтайцев, ни в каком случае не грозит ассимиляция, поэтому их восприятие национальных проблем вообще менее остро и болезненно.

Не может не вызвать озабоченности более негативная по сравнению с другими профессиональными группами оценка межэтнических отношений в области интеллигенцией, т.к. от позиции и реального поведения этой группы во многом зависит дальнейшее развитие ситуации. В то же время, чрезмерное спокойствие управленцев, не замечающих (или не желающих замечать) зарождающиеся опасные тенденции, может обойтись достаточно дорого.

Все же в целом на данном этапе наиболее многочисленна группа экспертов, характеризующих межнациональные отношения в регионе как нейтральные. Достаточно представлена также оценка этих отношений как “скорее хороших, чем плохих”. Однако 40% опрошенных отметили, что в последнее время произошло ухудшение отношений, а 19% не ответили на вопрос об их динамике; только один человек нашел, что отношения улучшаются. В нескольких анкетах встречаются высказывания типа “отношения пока нормальные”.

В числе причин, вызвавших ухудшение межэтнических отношений в последнее время, как русские, так и алтайцы называют (в порядке убывания частоты) низкий культурный уровень населения, социально-экономические причины (рост товарного дефицита, снижение уровня жизни, проблемы занятости и пр.), ущемленность коренного населения в социально-культурном отношении, провоцирующую роль отдельных средств массовой информации и ситуацию в других регионах страны. Далее мнения экспертов расходятся: русские жалуются на “местничество” алтайцев и их необоснованные претензии на занятие руководящих постов, алтайцы же, напротив, считают, что “на руководящих постах слишком много русских”.

Отвечая на вопрос о том, как могут измениться межнациональные отношения в регионе в случае притока мигрантов на строительство, чуть больше половины опрошенных экспертов предсказывают их ухудшение, нарастание напряженности, возникновение конфликтов и открытых столкновений. В числе давших подобные прогнозы — 87% группы интеллигенции, 40% партийных работников и только 12% управленцев областного масштаба, что очередной раз заставляет нас усомниться в компетентности и искренности последних. В то же время, отрицательный прогноз развития межэтнической ситуации дают абсолютно все сельские жители, в том числе и представители районного управленческого звена.

Среди русских предвидит ухудшение ситуации 47% опрошенных экспертов, а среди алтайцев — 65%. Это, очевидно, определяется тем, что для последних увеличение доли некоренного населения в регионе усиливает опасность ассимиляции. В то же время коренное русское население области также не приветствует наплыв мигрантов, способный обострить социальную конкуренцию в регионе.

Особенно нужно сказать о позиции представителей правоохранительных органов по данному вопросу. Обладая большей по сравнению с другими опрошенными нами экспертами полнотой информации по криминогенной обстановке, они высказывают самые серьезные опасения по поводу неизбежных конфликтов и роста преступности.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня межнациональные отношения в Горно-Алтайской области характеризуются экспертами как удовлетворительные, однако имеющиеся различия в оценках представителей разных групп опрошенных показывают, что равновесие неустойчиво. Особенно настораживает различие позиций городских и сельских жителей (т.е. тех, кто ожидает от осуществления проекта материальных благ и тех, кто непосредственно столкнется с последствиями строительства).

Проведенное исследование показало, что динамика межнациональных отношений в Горном Алтае сложна и неоднозначна. Безусловно, было бы сильным упрощением думать, что заметное ухудшение отношений между представителями различных национальных общин непосредственно и главным образом связано с ситуацией вокруг проекта строительства Катунской ГЭС. Наметившаяся тенденция этнической конфронтации обусловлена прежде всего социально-экономическим и политическим кризисом в стране, обострением национальных противоречий в сопредельных регионах. Однако есть основания думать, что начало строительства каскада ГЭС на р.Катунь может стать катализатором зафиксированных негативных процессов. В частности, не вызывает сомнения, что деятельность Гидропроекта возымеет негативные последствия на межнациональные отношения, поскольку будет сопряжена с притоком рабочей силы из-за пределов региона.

При традиционно высоком уровне рождаемости численность алтайского этноса в течение ста лет остается приблизительно на одном уровне, следовательно, мы можем говорить о состоянии весьма шаткого равновесия его структуры. С достаточной степенью вероятности можно предположить,

что в случае начала крупномасштабного строительства равновесие это будет нарушено. Урбанизация образа жизни повлечет за собой изменение репродуктивных установок и дальнейшее снижение рождаемости в алтайских семьях. Приток русскоязычных мигрантов и расселение их на этнической территории алтайцев, вероятно, приведет к заметному увеличению числа национально-смешанных браков. Все это, несомненно, форсирует процесс физической ассимиляции алтайцев. Наряду с физической ускоренными темпами будет происходить и культурная ассимиляция алтайского этноса. Впрочем, правильнее назвать этот процесс деэтнизацией: переход к современному ("городскому") образу жизни будет сопровождаться окончательным разрушением традиционной материальной культуры и хозяйственного уклада алтайцев, исчезнут рудименты прежней социальной организации и т.д. Все это уже сейчас стало предметом весьма заинтересованного обсуждения в самых широких слоях алтайского общества, в особенности среди национальной творческой интеллигенции.

74

Контраргументы чаще всего к анализу ситуации не привлекаются. А таковые, на наш взгляд, имеются. Очевидно, что появление новых рабочих мест в случае начала строительства будет способствовать закреплению трудоспособного населения (в том числе, разумеется, алтайского) в регионе, что весьма актуально ввиду нарастающей угрозы аграрной перенаселенности Горного Алтая. Это предотвратит, в частности, миграции молодых алтайцев за пределы этнической территории и будет препятствовать размыванию этноса. Можно предвидеть также существенные изменения в социальной структуре населения: увеличение доли промышленных рабочих (в том числе квалифицированных), рост числа алтайской интеллигенции, который, скорее всего, будет сопровождаться повышением интереса к традиционным этническим ценностям — языку, фольклору, обрядам и пр., рекультивацией отдельных элементов структуры этноса. Кроме того, строительство Катунского каскада, как это ни парадоксально, уже сейчас стало как бы фактором "внешней опасности", способным существенно усилить этноконсолидационные процессы (во всяком случае, в некоторых социальных группах алтайского общества).

И еще одно соображение по поводу перспектив развития алтайского этноса, которое представляется нам весьма важным. Урбанизация образа жизни всегда и везде связана с утратой многих черт традиционной культуры. Поэтому следует признать, что в ходе естественного развития исторического процесса (вне зависимости от результатов дискуссии о целесообразности строительства Катунской ГЭС) современное содержание понятия "алтайский этнос" неизбежно подвергнется существенной трансформации. Стремление определенной части национальной интеллигенции "законсервировать" этническую специфику представляется нам не только утопичным, но и эгоистичным по отношению к своему народу. Мы убеждены, что при определении стратегии экономического и социально-культурного развития всякого этноса необходимо обеспечить приоритет интересов личности над интересами любых — этнических, социальных и прочих групп.

Анализ сложившейся в Горном Алтае ситуации убеждает нас в том, что наименее удовлетворены межнациональными отношениями те социальные

слои, которые в большей степени вовлечены в социально-конкурентную ситуацию. В этом смысле строительство Катунской ГЭС могло бы либо оптимизировать межнациональные отношения в регионе (в случае, если реализация проекта смягчит социальную конкуренцию), либо, наоборот, обострить их (если кадровая политика будет иметь "перекос" в пользу той или иной национальности). Однако есть основания думать, что пропорциональное представительство алтайцев в руководстве строительства ГЭС и всех сопряженных с ней объектов промышленной или социальной инфраструктуры обеспечить будет невозможно ввиду недостатка среди коренного населения специалистов высокой квалификации. Поэтому с высокой долей вероятности можно предположить, что реализация проекта строительства ГЭС в той или иной степени будет сопряжена с обострением социальной конкуренции и возникновением на этой почве этнических конфликтов.

Положение усугубляется еще и постоянно усиливающимся притоком мигрантов из трудоизбыточных регионов — Средней Азии и Кавказа, который может стать и уже становится дополнительным источником социальной и национальной напряженности в регионе.

Опыт прошлых лет свидетельствует о том, что "стройки века" никогда не обходились без широкого привлечения всякого рода криминальных элементов. С уверенностью можно сказать, что если Гидропроект будет использовать на строительстве ГЭС труд амнистированных, условноосвобожденных из мест лишения свободы и проч., то ситуация приобретет угрожающий характер.

Процесс формирования общественного мнения вокруг проекта строительства Катунской ГЭС весьма сложен и имеет множественную детерминацию. Читатель, вероятно, заметил, что наши выводы также неоднозначны. При известных условиях реализация этого проекта, вероятно, могла бы реанимировать экономику Горного Алтая, что, в свою очередь, сгладило бы социальную и национальную напряженность. К сожалению, в сложившихся условиях глубокого экономического и политического кризиса в стране начало грандиозного строительства будет сопряжено как с обострением социальной ситуации в регионе — конфликт между коренным алтайским и русским населением края и пришлыми строителями, так и с усилением этнической конфронтации: конфликт между алтайским населением, с одной стороны, и частью русского населения области и новыми мигрантами — с другой.

75

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Черкасова М. Гидрогигантогегемония: где ее корни? // Знание—сила. 1989. № 4.

2. К сожалению, этот метод, пока не нашел широкого применения в отечественной этнологии. Исключение составляют работы Л.С.Христюковой. См.: Христюкова Л.С. Вопросы к эксперту. Саранск, 1973; ее же. К вопросу о возможностях применения метода экспертных оценок в этнографии // Статистика в этнографии. М., 1985. Обследование группы экспертов было также заложено в программу массового статистико-этнографического обследования, проведенного под руководством В.В.Пименова в Чувашии в 1981 г. См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984.

3. Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопросы философии. 1969. N 12. С.137.
4. Социальное и национальное. М., 1973. С.279, 298 и др.
5. Сусоколов А.А. Непосредственные межэтнические отношения и установки на межличностные контакты // Советская этнография. 1973. N 5. С.7; Филиппов В.Р. Влияние межрегиональных миграций на этноконтактные установки в однонациональной среде // Этносоциальные проблемы сельских миграций. М., 1990. С.123.
6. Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 370–414; Сусоколов А.А. Этнос перед выбором // Социологические исследования. 1988. N 6. С. 34.
7. См., например: Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.;Л., 1953.